

DOI: 10.25629/HC.2026.09.03

УДК: 929(47) «1914/1918»

ВАК: 5.6.1. Отечественная история

Кретинин Геннадий Викторович, доктор исторических наук; Балтийский Федеральный университет, ORCID: 0000-0003-0730-0826;

Вальдман Даниил Александрович, Балтийский Федеральный университет; ORCID: 0009-0006-6813-2554; dluninv23@mail.ru

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II В ВОСПРИЯТИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ КРУГОВ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматривается проблема восприятия либеральными кругами русского общества последнего российского императора Николая II во время Первой Мировой войны. Либеральное движение в начале XX века представлено довольно разнообразным в плане сословной принадлежности, но центральное место отведено членам российского парламента – Государственной думы, представителям интеллигенции и членам правящего Дома Романовых. Автором сделан вывод, что взгляд на Николая II либералами был неоднозначным. В основном превалировал нарратив о слабом, нерешительном и бездарном правителе, который своими политическими решениями и нежеланием идти на уступки членам оппозиции виноват в распаде Российской империи. Такого подхода придерживались лидеры партии кадетов и октябристов П.Н. Миллюков и А.И. Гучков. Однако были и те, кто пытался переосмыслить свои взгляды. П.Б. Струве и М.В. Родзянко искали причины низложения монархии не только в личных качествах царя, но и в членах либеральной оппозиции, которые своими действиями тоже были виновны в революции 1917 года. Немаловажную роль в дополнении нарратива о «слабом царе» сыграли и некоторые великие князья из Дома Романовых, которые, с одной стороны, обвиняли царя в слабости и отсутствии качеств правителя, а с другой стороны, они отказались поддержать императора в годы Февральской революции.

Ключевые места

Либеральное движение, Государственная дума, Первая Мировая война, Николай II, П.Н. Миллюков, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский, П.Б. Струве

Cretinin G.V., Doctor of Historical Sciences; Baltic Federal University; ORCID: 0000-0003-0730-0826

Waldman D.A., Baltic Federal University, ORCID: 0009-0006-6813-2554; dluninv23@mail.ru

EMPEROR NICHOLAS II IN THE PERCEPTION OF THE LIBERAL CIRCLES OF RUSSIAN SOCIETY DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract

The article examines the problem of the perception of the last Russian Emperor Nicholas II by the liberal circles of Russian society during the First World War. The liberal movement at the beginning of the 20th century was quite diverse in terms of class affiliation, but the central place was given to members of the Russian parliament – the State Duma, representatives of the intelligentsia and members of the ruling House of Romanov. The author concludes that the liberals' view of Nicholas II was ambiguous. The prevailing narrative was about a weak, indecisive and incompetent ruler who, through his political decisions and unwillingness to make concessions to members of the opposition, was to blame for the collapse of the Russian Empire. This approach was followed by the leaders of the Cadet and Octobrist parties, P.N. Milyukov and A.I. Guchkov. However, there were also those who tried to rethink their views. P.B. Struve and M.V. Rodzianko looked for the reasons for the overthrow of the monarchy not only in the personal qualities of the tsar, but also in the members of the liberal opposition, who by their actions were also responsible for the revolution of 1917. An important role in complementing the narrative of the "weak tsar" was played by some grand dukes from the House of Romanov, who, on the one hand, accused the tsar of weakness and lack of qualities of a ruler, and on the other hand, they refused to support the emperor during the February Revolution.

Keywords

The Liberal Movement, the State Duma, the First World War, Nicholas II, P.N. Milyukov, M.V. Rodzianko, A.F. Kerensky, P.B. Struve

Введение

В истории России начала XX века особое внимание привлекает либеральное движение, которое имело ключевое влияние на политические процессы в предреволюционной России. Депутат Государственной думы В.М. Пуришкевич довольно колко охарактеризовал либеральную прослойку общества через партию кадетов: «эта вреднейшая партия России, этот вечно тлеющий очаг русской революции» (Никонов, 2015, с. 172). Когда речь заходит о либеральных кругах русского общества, то часто прослеживается ассоциация с политической партией кадетов, представители которой действительно были активными сторонниками политических реформ и воззрений по отношению к самодержавной власти. Но вопрос представляется несколько шире. Мировоззрение либералов начала XX века строилось на так называемом «освободительном либерализме». Этот термин был введен известным мыслителем Б. Н. Чичериным и означал разочарованность представителей интеллигенции «в реформаторских усилиях власти и уверенности в бесплодности сотрудничества с ней со стороны либералов» – как точно подметил историк Ф.А. Гайда (2017). В годы Первой русской революции 1905-1907 гг. либералы не же-

ляли сотрудничать с властью, даже несмотря на предложения последней составить коалиционный кабинет министров. С этого момента либеральное движение было в оппозиции по отношению к власти вплоть до свержения монархии.

Социальный состав русских либералов включал не только депутатов Государственной Думы от партии кадетов, несмотря на апологетическое изложение П. Н. Милюкова о ключевом влиянии партии конституционных демократов в годы Первой Мировой войны на приближение России к революционным потрясениям (Гайда, 2003, с. 4). Либералами можно считать и представителей интеллигенции: учёные, учителя, врачи, журналисты, писатели (Никонов, 2015, с. 173). Одним из ярких представителей интеллигенции, который явно симпатизировал либеральным воззрениям, был П. Б. Струве. После подавления первой русской революции 1905-1907 гг. он разочаровался не только в интеллигенции, но и в либерализме как таковом. В сборнике «Вехи» была опубликована его статья «Интеллигенция и революция», где Струве заключил, что к созданию революции 1905-1907 гг. приступили очень легкомысленно и не умело. Либеральная интеллигенция сама виновата в том, что благая идея обновления государства вылилась в провокацию, на которую власть ответила реакцией (Вехи, 2017, с. 245).

Либеральными воззрениями обладали и некоторые представители династии Романовых, где ярким примером является великий князь Николай Михайлович. Он был внуком императора Николая I и старшим братом великого князя Александра Михайловича, одного из известных мемуаристов правящей династии об эпохе последнего царствования, где подробно излагается о всех членах династии Романовых конца XIX – начала XX века. Александр Михайлович считал своего брата самым либеральным из всех великих князей, написав о нем следующее: «Будучи горячим поклонником парламентарного строя и убежденным почитателем словесных дуэлей Клемансо – Жореса, он не хотел допустить того, что созданию в России конституционного строя по образцу III французской республики закончилось бы полным провалом» (Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 123). Забегая вперед следует сказать, что либерализм Николая Михайловича проявился в полной мере в письме императору Николаю II в июле 1916 года, где князь просил царя избавиться от влияния императрицы Александры и идти на уступки либеральной оппозиции, на что русский император не пошёл (Николай II и великие князья, 1925, с. 146-147). Из выше сказанного следует, что либеральные круги русского общества были довольно обширны по своим социальным статусам и им принадлежит множество заметок о предреволюционной России, но проблема отношения либералов к последнему русскому императору Николаю II не так широко исследована.

Последний русский император является одним из самых противоречивых, но в тоже время одной из самых привлекательных фигур русской истории в плане изучаемости. Исследование Николая II и его царствования до сих пор представляет собой сверхтрудную задачу, поскольку монарх и его эпоха находятся в «плёну» идеологических воззрений современников и современных ученых историков. Тема Николая II обречена быть в бесконечных научных дискуссиях, касаясь его личности и государственной деятельности (Вальдман, 2025). Поэтому целью настоящей статьи является изучить восприятие либеральными кругами последнего самодержца как политического деятеля в период участия России в Первой Мировой войне.

Методы

Методологическую основу исследования составляют как общенаучные методы, так и специально исторические. Метод анализа и синтеза, который помогает разложить единое явление в виде либеральных кругов русского общества в начале XX века и исследовать его частями, выделяя отдельно само понятие либерального движения; критерии принадлежности к либеральным кругам, а также выделить основные идеи и взгляды либералов на политическое устройство России в целом. В исследовании применяется принцип историзма и сравнительно-исторический метод – для сопоставления оценок либералами образа российского императора Николая II, историко-генетический метод – для выявления динамики изменения и пересмотра

взглядов членов оппозиции на последнего русского монарха и обозначение причин этих изменений. Использование этих методов дает возможность проследить, каков был образ Николая II в среде людей, которые являлись оппозиционны самодержавной власти в контексте участия России в Первой Мировой войне и по каким причинам сложилось именно такое восприятие либералами русского императора.

Результаты и их обсуждение

Вступление России в Первую Мировую войну вызвало сильные патриотические чувства всех слоев населения, вне зависимости от сословий или идеологических предпочтений. Даже идеологические оппоненты власти также были настроены крайне положительно к началу войны с Германией. Один из известных представителей будущей либеральной оппозиции А.Ф. Керенский признавал: «Народ в 1914 году воспринял войну с Германией как свою собственную. Народ понял, что судьба России поставлена на карту» (Месси, 1992, с. 266). Этой же риторики придерживался и лидер кадетов П.Н. Милюков, который считал, что «в проявлениях энтузиазма, и не только казенного, не было недостатка, в особенности вначале» (Милюков, 1991, с. 183). 31 августа русский император Николай II в Георгиевском зале Зимнего дворца прочёл манифест об объявлении войны с Германией, выразив надежду на то, что внутренние противоречия в обществе исчезнут перед угрозой войны и общество консолидируется вокруг Престола (Нива, 1914).

Представители либеральных кругов не часто давали оценки последнему императору. В основном, нарратив довольно поверхностный: император Николай II – это символ ненавистного и архаичного самодержавия, которое тормозило процесс превращения России в конституционную монархию. Царь выступал посредственным, недалёким и слабым правителем, который совершает ошибку за ошибкой при принятии определенных решений. Но не все поддерживали данный тезис, как например, упоминаемый выше П.Б. Струве. Согласно его мнению, государь был бы намного успешным и выдающимся правителем при мирных и спокойных временах. И дело здесь не в наличии или отсутствии характера, а в том, что на плечи последнего монарха выпало самое тяжелое время, с которым он просто априори не смог бы справиться (Возрождение, 1928). Любопытно, что Струве был одним из немногих крупных идеологов либерального движения, который сумел радикально переменить свои взгляды, разочаровавшись в последующих революционных событиях 1917 года.

Основные роковые качества, которые отмечали либералы у Николая II это безволие, слабость, подверженность различным влияниям и лицемерие. Под этой характеристикой готов был подписаться герой Первой Мировой войны, в последствие один из лидеров Белого движения, генерал-лейтенант А. И. Деникин, который «предполагал, что, скажем, отречение Николая II было вызвано его безволием и неумением управлять. Он лишь подчинялся неумолимому ходу истории. Политическая катастрофа отодвинула русского монарха в тень истории и привела его к трагическому финалу» (Якубовская, 2009, с. 207). Для поддержания подобного облика была выработана целая информационная компания по десакрализации монархии и венценосцев. Один из наиболее серьезных историков революции 1917 года Б.И. Колоницкий (2010, с. 534) в своей работе писал, что «образы «внутреннего немца» и «темных сил» стали интенсивно формироваться в массовом сознании не без влияния критики, развернутой либеральной оппозицией». Под «внутренними немцами» имелись ввиду император и императрица, поскольку они были родственниками императора Германии Вильгельма II. То, что эти слухи не только существовали и разрастались, благодаря либеральной оппозиции, но и угрожали действующей власти, становилось ясно не всем. Доказывает вышесказанное министр внутренних дел Н.А. Маклаков, который пытался предупредить царя письмом, которое датировано декабрём 1916 года: «Я просил Его Величество извинить меня за причиняемое письмом моим беспокойство, я счёл своим долгом сказать то, что вижу и то, что предчувствую. Я указал, что направление занятий Государственной Думы и характер произносимых там с самого начала

ноября месяца речей в конце расшатывают остатки уважения к правительственной власти и не могут не отозваться пагубно на настроениях армии, читающей подобные отчеты газет о заседаниях Думы» (Архив русской революции, 1991, с. 344). Но помимо распространения слухов и дискредитации власти члены Думы почти не занимались своими прямыми обязанностями. Исходя из доклада премьер-министра Б.В. Штюрмера императору Николаю II от 3 ноября 1916 года, «Государственная дума до сих пор еще не приступила к рассмотрению внесенных законопроектов. Ее занятия протекают исключительно в обсуждении необходимости добиться отстранения ныне существующего правительства» (Дневники и документы из личного архива Николая II, 2003, с. 222). Итак, получалась любопытная картина: российский парламент, который вместо исполнения своих прямых обязанностей, распространял слухи и обвинял власть в лице Николая II или в неверных политических мерах, или вообще бездействии, что было недопустимо в разгар трудного военного положения.

Довольно много либералов было среди государственных деятелей, лидеров политических партий и других представителей государственной структуры. Особняком здесь стоит фигура лидера кадетской партии П.Н. Милюкова на протяжении всей своей политической карьеры относился к Николаю II довольно критически и субъективно. Он писал: «Николай II был, несомненно, честным человеком и хорошим семьянином, но обладал натурой крайне слабОВОЛЬНОЙ... Николай боялся влияния на себя сильной воли. В борьбе с нею он употреблял то же самое, единственное доступное ему средство – хитрость и двуличность» (Милюков, 1991, с. 214). По мнению лидера кадетов, монарх смотрелся неприметно и достаточно примитивно, ведь Милюков не нашел ни одного положительного качества политического деятеля, которое можно присудить Николаю. Кроме того, лидер кадетов упрекал Николая II в бесконечной уступчивости и колебании при принятии решений, в частности, о создании в России парламента в лице Государственной Думы. Подтверждение слов Милюкова можно найти у юриста и публициста М. В. Вишняка (1931, с. 44): «Слабость последнего монарха погубила монархию. Были люди, которые, будучи апологетами монархии, желали её сохранения в разгар Февральской революции».

Похожие, но менее категоричные и осторожные оценки присутствуют и у не менее яркой фигуры оппозиции – лидера партии октябристов А. И. Гучкова. Историки спорят о причастности Гучкова к либеральному движению, но факт того, что он был в оппозиции к Николаю II и желал его свержения, не оспорим. Данную точку зрения разделяет историк В.М. Хрусталёв (2008, с. 477), который писал: «В последние месяцы существования монархии А.И. Гучков являлся организатором заговора, целью которого было, используя связи уже умершего шурина Гучкова, товарища (заместителя) начальника Главного морского штаба Зилотти с рядом военачальников (М.В. Алексеев, Н.В. Рузский и др.), сохранить монархию, заставив Николая II отречься от престола в пользу наследника-цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича». Гучков видел императора человеком эталонного спокойствия, которое далеко не всегда можно расценивать как положительное качество; нерешительным и слабым правителем, который боится принимать ключевые политические решения (Гучков, 1993, с. 49-50). Гучков не очень был расположен писать о Николае II вероятно потому, что для него царь был не той фигурой, которая имела какой-либо ценный политический вес и уж тем более интерес, поскольку сам царь в своё время был недоволен и относился к Гучкову отрицательно, в том числе и из-за личной вражды. Об этом подробно рассказал октябрист Н. В. Савич: «Гучков рассказывал о своей беседе с царём многим лицам, членам фракции при президиуме Государственной Думы. Хуже всего было то, что преданы гласности были не только факты, о которых шла речь, но и некоторые мнения, высказанные Государем. Факт оглашения в печати его интимной беседы государь воспринял как оскорбление, как предательство. Он круто и резко изменил своё отношение к Гучкову, стал относиться явно враждебно» (Савич, 1993, с. 81). Довольно много депутатов знали об этой ситуации, поэтому вряд ли показания Савича ложны. Следовательно, неудивительно отношение самого Николая II к Гучкову. По мнению своих коллег, лидер октябристов затаил обиду на царя и готов был на всё, чтобы его свергнуть. Более

взвешенную, но скорее критическую оценку, касающуюся слабости, предложил бывший чиновник министерства иностранных дел, юрист, историк в эмиграции М.А. Таубе (2007, с. 87): «Человек честный и благородный в самом широком значении этих слов, к тому же глубоко верующий и трогательно влюбленный в свой русский народ, это был человек политически не ясной, всегда двоящейся мыслью и слабой волей, неизменно капитулируя перед всякой более сильной волей и всяким на него решительным наскоком, но... неоднократно затем, пытаясь вернуть уступленное каким-либо другим путём». Данные позиции схожи в том, что царь был человеком благородства и чести, в тоже время посредственным политиком. Однако, Таубе сильнее Гучкова акцентировал внимание на роковом слабости императора как фактора гибели империи.

Ещё одним важным представителем данного течения является председатель Государственной Думы IV созыва М.В. Родзянко. Он тоже сыграл свою роль в падении Российской империи в феврале-марте 1917 года. Его мемуары, а также известная работа «Крушение империи» носят оправдательный характер. В них Родзянко, с одной стороны показывал правильность своих личных действий по предотвращению революции, но с другой стороны подчеркивал всю неоднозначность положения. Фигуру Николая II он также упоминал вскользь, как и его коллеги, но всё же Михаил Владимирович не повторял ту информацию, на которой зиждились мнения Миллюкова и Гучкова. Родзянко один из немногих, кто пытался разобраться в вопросе личной вины царя за случившееся. Помимо личной ответственности императора за революцию, Родзянко указывал и на окружение, которые отличались «исключительно честолюбием, карьеризмом и преследованием личных выгод, ослепленная этими побуждениями, забыла про громадную опасность для царя и России» (Родзянко, 1929, с. 11). Родзянко видел царя сомневающимся и поддающимся под чужое влияние, но не корректно сваливать всю вину за гибель страны исключительно на него. Тем не менее, по мнению спикера Думы Николай II был человеком среднего масштаба и способностей. С ним был солидарен и бывший начальник штаба Северо-Западного фронта, генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов (1928, с. 213), который писал: «в общем Государь был человеком среднего масштаба, которого, несомненно, должны были тяготить государственные дела и те сложные события, которыми полно было его царствование». Возвращаясь к Родзянко, следует сказать, что председатель Думы не причислял себя к элите. Возможно, потому что Родзянко желал оправдаться в глазах современников и боялся признаться в том, что и его действия в том числе привели к революции. Однако с этим мнением согласны далеко не все. Начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачёв, который подробно проанализировал революционные события 1917 года, подтверждая вовлеченность Родзянко в процесс дестабилизации России свидетельствуя следующее: «К вечеру 1 марта 1917 г. совершенно уже стало ясно, что прежней власти не существует, что со старым строем покончено и оставалась лишь слабая надежда на то, как будут реагировать на свершившиеся события Ставка Верховного главнокомандующего и армия, но и эта надежда была малоутешительна, так как уже стали циркулировать слухи об отречении Государя и о том, что командующие фронтами армии подчинились новому порядку вещей. Появились бюллетени с распоряжениями временного революционного комитета за подписью Родзянко. Между прочим, появился приказ Родзянко о регистрации всех военных чинов в Государственной думе» (Глобачёв, 2009, с. 340). Деятельность председателя Думы прослеживается через распоряжения по армии, которые нанесли ей сокрушительный удар, разрешив устраивать митинги, передавать власть от офицеров в руки специальных солдатских комитетов и т.д. Всё это, по мнению Глобачёва, тоже лежит на совести Родзянко, поэтому вряд ли справедливы оправдательные тезисы председателя Думы в отношении его причастности к крушению России.

Нельзя не упомянуть и личность будущего главы Временного правительства А.Ф. Керенского, который тоже был вхож в оппозиционный лагерь. Но, как и другие деятели либерального движения, он не акцентировал сильное внимание на личности царя. Он скорее фигурировал как символ Царской России, против которого и была направлена революция. Источники по-разному толкуют оценку образа Николая II Керенским. Сам бывший премьер-министр до-

вольно категорично писал, что монархия была обречена и только продолжение реформ императора Александра II могли изменить положение, но Николай II на это не пошел, что и привело к трагедии 1917 года (Керенский, 1993, с. 28). Но, с другой стороны, Керенский отдавал и должное русскому монарху, отмечая его упрямство и непреклонность. «Однако в силу присущего ему упрямства он продолжал вести себя как самодержец даже после того, как даровал России Конституцию» (Керенский, 1993, с. 114). Соглашался с мнением Керенского и великий русский поэт, а в годы революции сотрудник Чрезвычайно Следственной комиссии Временного правительства А.А. Блок: «Император Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившийся ко всему, задерганный и осторожный на словах, был уже сам себе хозяин» (Архив русской революции, 1991, с. 6). Керенский считал, что трагедия царя заключалась в нежелании принять действительность (имеется ввиду дать России реальную конституцию и стать конституционным монархом), что государь был упрям, мало кого слушал и исповедовал довольно архаические взгляды, согласно которым Россия должна развиваться только в лоне самодержавия. Керенский не соглашался с нарративом о глупости и ограниченности Николая II как его коллеги. Он видел, что в одном царя нельзя упрекнуть: он человек трагической судьбы и любил свою страну с беззаветной преданностью и не захотел покупать отсрочку капитуляцией перед кайзером. Думай Николай II больше о своем благополучии, чем о чести и достоинстве России, он бы наверняка нашел путь к соглашению с кайзером. В 1915 году, когда России приходилось особенно трудно, немцы обратились к царю с весьма выгодными мирными предложениями, которые предусматривали передачу ему столь желаемых для России Дарданелл и Босфора. Царь на этот призыв Германии не ответил (Архив русской революции, 1991, с. 117). Стоит дополнить мысль главы Временного правительства: не только в 1915, но и в 1916 году Николай II издал приказ по армии и флоту, согласно которому царь не принял и не примет предложение Германии о заключении мира, даже несмотря на то, что Германия давала согласие на передачу под юрисдикцию России проливов Босфора и Дарданелл (ГА РФ, Ф. 601, Оп. 1, Д. 2480, Л. 1).

Русский самодержец в восприятии либералов представлял не только слабым политиком, но и человеком, которому было абсолютно безразличным к управлению государством. Об этом писал октябрист С. И. Шидловский (1923, с. 35): «государь казался не только спокойным, но даже апатичным, относившимся совершенно безразлично к происходившему». Вероятно, Шидловский запечатлел в памяти образ Николая II, который был извещён о том, что предан всем высшим генералитетом русской армии и никакой поддержки в борьбе за свою власть больше нет, поэтому царь и вынужден был пойти на отречение от престола, относясь ко всему с безразличием и спокойствием. И как итог Шидловский подметил, что «царствование Николая II представляет собой целый ряд неудач, начиная с его женитьбы, неудач его политики вообще, если таковая у него и была, и параллельно с этим систематическую утрату авторитета и силы власти» (Шидловский, 1923, с. 8). Похожие характеристики встречаются и у министра земледелия Царской России А. Н. Наумова. Вот что он писал об императоре: «Его мысли, вопросы, замечания... в большинстве случаев отличались относительной узостью, недостаточной серьезностью их содержания. В наших разговорах на общеполитические темы Государь не проявлял глубины и широты государственно-мыслительного размаха, который так хотелось чувствовать в Верховном Правителе огромной Российской империи» (Наумов, 1954, с. 533). Как руководитель государства, по мнению Наумова, Николай II был довольно поверхностным и мало вникающим в те или иные вопросы жизни России. Исключения лишь составляли те из них, которые сильно волновали или интересовали царя. Однако даже сам министр признавался, что его аудиенции у царя были не частыми, поэтому нельзя сказать, что он слишком хорошо знал монарха.

Как упоминалось выше, в либеральном движении было немало представителей правящей фамилии. Большинство членов Дома Романовых критически относились к фигуре императора Николая II и даже многие приветствовали отречение монарха. Так, по воспоминаниям великого князя Александра Михайловича, именно телеграмма Николая Николаевича поставила точку к склонению Николая II в пользу отречения от престола: «Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением

генерала Гурко, все они и, между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали Государю немедленно отречься от престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военачальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета он нашел ещё одну телеграмму, с советом немедленно отречься, и она была подписана Великим Князем Николаем Николаевичем.

– Даже он! – сказал Ники, и впервые голос его дрогнул» (Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 228). Истинные мотивы бывшего на тот момент Верховного главнокомандующего неизвестны, однако ряд исследователей считают, что Николай Николаевич и вся царская родня были обижены на царя за нежелание отдалять от себя старца Г.Е. Распутина и вовсе запретить влиять на политику императрице Александре Фёдоровне. Но как сам Николай Николаевич характеризовал своего венценосного племянника точно неизвестно, однако, вероятно, он разделял мнение Романовых о том, что царь слаб и находился под бесконечным влиянием Распутина и царицы.

Довольно подробно о самодержце высказался великий князь Александр Михайлович в своих мемуарах, где Николаю II посвящена целая глава. Основной портрет Николая II сводится к тому, что он, как и его отец Александр III, не был предназначен для управления государством. Он был неплохо образован, тем более испытывал страсть к военному делу и службе. Царь был скромный, добрый, семейный человек, который, как писал В. В. Шульгин, «был рожден на ступеньках престола, но не для самого престола» (Шульгин, 1991, с. 382). Он был слабым, неуверенным в себе правителем, склонным прислушиваться к чьим-либо мнениям, особенно пагубными из которых были советы родственников. По мнению великого князя, Николай II – это трагическая фигура, добрые и светлые намерения которого обернули в ошибки и роковые решения, приведшие к гибели империи (Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 145). Правитель должен быть беспощаден, честолюбив и непреклонен в принятии решений. Такими качествами, по мнению князя, Николай себя не обладал. Интересно, что и Александр Михайлович отказался поддержать своего царственного родственника в разгар Февральской революции, и, как другие Романовы, отвернулся от него и его семьи (Там же, с. 230). При этом никаких угрызений совести он не испытывал, ссылаясь на объективные обстоятельства. Но рефлексия великого князя содержит множество попыток понять причины трагедии Российской империи и её главы, который не сумел справиться со своими обязанностями, не сумев спасти как свою семью, так и себя.

Выводы и заключение

Таким образом, либеральная группа русского общества в период «Великой войны» была не однообразным объединением. Несмотря на их сословное разнообразие, либералов объединяла оппозиционность власти во главе с Николаем II. Надо сказать, что либеральные деятели охарактеризовали и последнего царя не так однозначно, как кажется. Они видели императора Николая II фигурой трагической, доброжелательной, честной, но слабовольной, нерешительной, упрямой, лицемерной и человеком, который всегда находился под чьим-либо влиянием. Например, А.Ф. Керенский, который был политическим противником государя, признавал в нем не только нерешительность, но и твердое отстаивание интересов России. Были и те, кто не желал беспристрастно разобраться в трагедии этой личности, а лишь повторял те, далеко не всегда обоснованные тезисы о глупости, слабости и ограниченности самодержца, как например лидер кадетов П.Н. Милюков и лидер партии октябристов А.И. Гучков. Более взвешенной оценкой является мнение спикера IV Государственной Думы М.В. Родзянко, который даже если и был причастен к организации переворота против Николая II, то он нашел нужным сказать, что царь Николай – это трагическая фигура, которую стоит постараться понять. По мнению Родзянко, пусть император и находился под влиянием жены, но благородство и честность, а также любовь к России являются его отличительными чертами. Кроме того, никто из либералов не

признавал государственных талантов у Николая II, ведь именно политические просчёты и стоили ему потере власти. Но мнение самих представителей венценосного Дома Романовых представляет особый интерес. Практически вся родня отвернулась от императора в разгар революционных событий 1917 года из-за самых разных обид и недоразумений. Через воспоминания великих князей Александра и Николая Михайловичей можно видеть, что почти все Романовы видели Николая II недалёковидным, слабым, нерешительным и подверженным различным влияниям. Итак, все яркие представители либеральной группы русского общества единогласно отмечали бездарность Николая II как политика, но отдавали должное его личным качествам, которые мешали ему грамотно исполнять свои обязанности. В этой связи довольно мало в либеральной среде было людей, которые пытались спокойно и рассудительно разобраться в трагедии, которая постигла каждого жителя Российской империи и её последнего легитимного монарха.

Библиография

- «Александр Иванович Гучков рассказывает»: *Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства* (1993). Вопросы истории. ТОО редакция журнала «Вопросы истории».
- Блок, А. А. (1991). *Последние дни старого режима. Архив русской революции*. (Т. 3–4).
- Вальдман, Д. А. (2025). Император Николай II как государственный деятель во время политического кризиса 1916 года. *Наука. Общество. Оборона*, 13(3).
- Великий князь Александр Михайлович: *книга воспоминаний*. (1991). Современник.
- Вехи. *Сборник статей о русской интеллигенции*. (2017). РИПОЛ классик.
- Вишняк, М. В. (1931). *Два пути: февраль и октябрь*. Современные записки.
- Возрождение. (1928, 17 июля).
- Возрождение. (1928, 18 июля).
- Гайда, Ф. А. (2003). *Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – февраль 1917 г.)*. РОССПЭН.
- Гайда, Ф. А. (2017). Российский либерал начала XX столетия в политике. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10(6).
- Глобачев, К. И. (2009). *Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения*. РОССПЭН.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). (б. д.). Ф. 601, Оп. 1, Д. 2480.
- Данилов, Ю. Н. (1928). Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче. *Архив русской революции* (Т. 19).
- Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары*. (2003). Харвест.
- Керенский, А. Ф. (1993). *Россия на историческом повороте: Мемуары*. Республика.
- Колоницкий, Б. И. (2010). *"Трагическая эротика": Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны*. Новое литературное обозрение.
- Месси, Р. (1992). *Николай и Александра*. Дом.
- Милуков, П. Н. (1991). *Воспоминания*. Издательство политической литературы.
- Милуков, П. Н. (2001). *История второй русской революции*. Российско-болгарское книгоиздательство.
- Наумов, А. Н. (1954). *Из уцелевших воспоминаний. 1867-1917*. Издательство А. К. Наумовой и О.А. Кусевицкой.
- Нива. (1914, Июль).

Николай II и великие князья: Родственные письма к последнему царю. (1925). Государственное издательство Ленинград.

Никонов, В. А. (2015). *Крушение России. 1917* (2-е изд., испр. и доп.). АСТ.

Показание Н. А. Маклакова о письме Николаю II. (1991). *Архив русской революции* (Т. 5).

Родзянко, М. В. (1929). *Крушение империи*. ИП В. Секачев.

Савич, Н. В. (1993). *Воспоминания*. Logos.

Таубе, М. А. (2007). «Зарницы»: *Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917)*. РОССПЭН.

Хрусталёв, В. М. (2008). *Великий князь Михаил Александрович*. Вече.

Шидловский, С. И. (1923). *Воспоминания* (Т. 1). О. Кирхнер и К°.

Шульгин, В. В. (1991). *Три столицы*. Современник.

Якубовская, Е. В. (2009). Отречение Николая II от престола (советская и эмигрантская историография 1920-1930-х годов). *Россия и современный мир*, 3.

Поступила в редакцию: 13.06.26

Принята к публикации: 20.09.26